

Суммируя сказанное, следует отметить, что знакомство с данной книгой безусловно обязательно для богемиста, весьма желательно для слависта и полезно для специалиста по сопоставительному языкознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Haugen 1972 — Haugen E. *The ecology of language: Essays by Einar Haugen*, Anwar S. Dil. Stanford: Stanford Univ. Press, 1972.
 Mareš 1979 — Mareš F. W. *An anthology of Church Slavonic texts of Western (Czech) origin*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1979.
 Slovník 2002 — *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2002.
 Trnka 1943 — Trnka B. Obecné otázky strukturálního jazykozpytu. *Slovo a Slovesnost*. 1943. № 2—3. S. 57—68.
 Večerka 2010 — Večerka R. *Staroslověnská etapa českého písemnictví*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2010.

M. Hassandoust. Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi. Ĵeld-e 1—5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393 [Мохаммад Хасандуст. Этимологический словарь персидского языка. Т. 1—5. Тегеран: Академия персидского языка и литературы, 1393/2014. На персидском языке. Англ. перевод на переплете: M. Hassandoust. An etymological dictionary of the Persian language]. ISBN 964-7531-28-1 (для 1-го тома), ISBN 978-600-6143-55-2 (для всего комплекта томов).

**Джой Иосифовна Эдельман[®],
Елена Константиновна Молчанова**

**Joy I. Edelman[®],
Elena K. Molchanova**

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; [®]joy.edelman@gmail.com

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; [®]joy.edelman@gmail.com

Рассматриваемый пятитомный «Этимологический словарь персидского языка» — фундаментальный труд, представляющий собой этимологическое исследование практически полного корпуса основного лексикона **классического** персидского языка. В нем анализируется лексика персидского языка классического периода, который датируется условно VIII—XV вв. Это был общий литературный язык, предшественник современных персидского, таджикского и языка дари Афганистана, более архаичный, чем его потомки, поэтому в словаре охватывается обширный круг лексики, свойственной тому периоду и частично утраченной либо трансформированной (в том числе и семантически) в том или ином современном языке. Тем самым данный словарь является этимологическим словарем и для таджикского языка, и для языка дари Афганистана. Выход в свет такого словаря — важное событие не только для языковедов Ирана, но и для международной иранистики. Такой капитальный труд, созданный на современном уровне исследованности истории иранских языков и с учетом достижений индоевропеистики, издается впервые.

Словарь — результат 16-летнего подвижнического труда иранского лингвиста, сотрудника Академии персидского языка и литературы д-ра Мохаммада Хасандуста. Имя М. Хасандуста известно языковедам-иранистам: более десяти лет тому назад (в 2004 г.) был опубликован первый том этого словаря, который получил широкое признание благодаря солидному и обширному языковому материалу, привлечению квалифицированной и международно признанной лингвистической литературы, тщательности и оригинальности исследования. Позже, в 2011 г., М. Хасандуст опубликовал объемный двухтомный «Сравнительно-тематический словарь новоиранских языков и диалектов» (на персидском языке)

[Hassandoust 1389/2011], где лексика разных живых иранских языков и диалектов сгруппирована по содержательному принципу: каждый раздел объединяет словарные статьи в соответствии с семантикой слов, а каждая статья оформлена в виде списка слов, аналогично статьям в словаре индоевропейских синонимов К. Бака [Buck 1949/1988]. Хотя этот двухтомник М. Хасандуста был посвящен сопоставлению лексики живых иранских языков, в нем уже содержались некоторые этимологические сведения в виде исторических комментариев к некоторым словам и отсылок к параллелям в вымерших языках. Тем самым в этот двухтомник вошли материалы, собранные для этимологического словаря. В дальнейшем этимологическая составляющая анализа лексики иранских языков была значительно расширена и углублена автором, что и нашло отражение в рассматриваемом здесь «Этимологическом словаре персидского языка».

По скромности автора или из-за того, что этот очень полезный словарь [Hassandoust 1389/2011] не является этимологическим, он не упомянут в 42-страничном (с. 17—59) списке литературы, предпосланном первому тому пятитомного этимологического словаря.

Указанные выше предварительные публикации свидетельствуют о том, что все эти годы работа над этимологическим словарем не прекращалась. На это указывает и сравнение статей, входивших в том первый 2004 г. и вошедших в пятитомное издание 2014 г. Например, в первом издании словаря в статье *but* 'Будда; идол' (с. 176) подробно изложена этимология этой лексемы. В новом издании (№ 693, т. 1, с. 408—409) добавлены (со ссылкой на Локоча, Клюге и др.) романские и германские варианты названия п а г о д ы, вероятно, производные от перс. *but-kada* 'храм идолопоклонников, пагода', букв. 'дом идолов' (под влиянием пракритск. *bhagodī* 'божественный, священный' или при ассимиляции с ним).

Обратимся теперь непосредственно к структуре нового словаря.

Словарь, как уже говорилось, состоит из пяти томов, издан Академией персидского языка и литературы. Автор, работая над данной проблематикой, искал способ построения такого этимологического словаря, в котором, во-первых, информация об этимологии каждого персидского слова (доводимая в возможных случаях до индоевропейского хронологического уровня) сочеталась бы со сравнением с родственными словами в других иранских языках, а во-вторых, информация о внутренней структуре рассматриваемого персидского слова подтверждалась бы аналогичными принципами словообразования семантически сходных слов в других языках. Этот поиск прослеживается и в опубликованном ранее предварительном издании первого тома (буквы от «алеф» до «та»), в котором словарные статьи, однако, структурированы и оформлены несколько иначе [Hassandoust 1383/2004—2005].

Таким образом, изданный в 2014 г. «Этимологический словарь персидского языка» — результат не только этимологических разработок автора, но и его поисков и находок в структурировании этой обильной информации. Поэтому не случайно все пять томов Словаря изданы одновременно.

Композиция Словаря тщательно продумана.

В первом томе основной корпус этимологий предваряется рядом вспомогательных разделов; пятый том составляют индексы слов разных языков, упомянутых в первых четырех томах. Сам корпус этимологий занимает большую часть первого тома и все пространство со второго по четвертый том. Пагинация вводных справочных разделов, которую в европейской традиции принято обозначать римскими цифрами, в данном Словаре обозначена лексически (например, «сто девяносто пять» и т. д.). Пагинация же самого этимологического корпуса словаря — сплошная, от страницы 1 в первом томе до страницы 2955 в четвертом — обозначена арабскими цифрами (реально арабскими, а не теми, которые принято называть «арабскими» в европейской традиции).

Первый том содержит: краткое (1 с.) «Предисловие», за которым следуют «Введение» (с. 9—15) и «Сокращения и источники». Этот большой раздел включает библиографию работ: отдельно на европейских языках, куда входят и русскоязычные названия (с. 18—29), и на персидском и арабском языках (с. 31—59). Далее следует «Приложение 1» — раздел об исторической фонетике классического персидского языка (с. 61—129), построенный

по принципу «от классического периода — в глубь веков», через древнеиранский язык (но не праиранское состояние) и далее, вплоть до индоевропейского. Каждая линия соответствий здесь паспортизуется примерами в пронумерованных параграфах и приводится с отсылкой к традиционным ирановедческим работам (в основном к конкретным примерам в соответствующих параграфах работ П. Хорна [Horn 1898—1901] и Х. Хюбшмана [Hübischmann 1895]).

Том первый открывается знаменательным эпиграфом из стихотворения иранского поэта XX в. Рахи-йе Моайери: «Ушла основа моего существования, но не ушли // Страсти из моего сердца и безумие из моей головы». К краткому «Предисловию» дан свой эпиграф (из стихов классика персидской литературы XII в. Фарид-ад-Дина Аттара): «То, что есть у меня, — от Его щедрот, не от моих дел».

В «Предисловии» автор сдержанно и вместе с тем эмоционально дает понять, как трудно дался ему этот словарь. Он сам называет этот период своей жизни «периодом страха и надежды» и пишет, что утешением ему служил известный бейт Хафиза: «Хотя привал опасен и цель очень далека, // Нет такого пути, которому не было бы конца, // Не печалься!»

Во «Введении», написанном в 2014 г., рассказывая о своем однокласснике 2004—2005 гг., М. Хасандуст сообщает, что образцом для него послужили этимологические словари европейских языков. Трудность заключалась в том, что они были составлены сообразно менталитету европейцев, тогда как для этимологического словаря персидского языка надо было, по мере возможности, учитывать иранский менталитет. Задачу осложняло и то, что до того времени не существовало этимологического словаря на персидском языке, составленного с учетом достижений современного языкознания. Автор пишет, что он изучал и отбирал различные способы подачи языкового материала. Перед ним стоял вопрос: каков критерий отбора слов, в том числе заимствований. По мнению Хасандуста, найти точные и абсолютные рамки при отборе слов для словаря, особенно этимологического, на самом деле невозможно. Что понимать под термином «фарси»? Какое слово можно считать принадлежащим языку «фарси»? Следовало ли лишь указать на происхождение и корень оригинального «фарси»-слова и закрыть глаза на слова «не-фарси», даже на парфянские и согдийские, вошедшие в персидский язык, как то *pur* 'сын' и *mol* 'вино', где первое пришло из парфянского, а второе из согдийского? Надо ли было указать лишь на оригинальные иранские (*irānī*) слова, которые произошли из пехлеви, парфянского, согдийского и других иранских языков, а «не-иранские» слова оставить в стороне? В этом случае не оказалось ли бы в этом словаре пустым место таких слов, как *olgu* 'образчик', *ābnus* 'черное дерево', *čatrang* 'шахматы', *deram* 'серебряная монета, драхма', *dohol* 'барабан', *dihim* 'диадема', *felfel* 'перец', *fil* 'слон', *lagan* 'таз, корыто', *long* 'набедренная повязка' и сотен других, которые попали в персидский язык из «не-иранских языков»? Или следовало указать на происхождение и корень всех слов, которые употребляются в лексиконе персидского языка; в этом случае надо было бы поместить в этот словарь также низкочастотные, редкие и неизвестные арабские, тюркские, греческие слова. Принять этот последний путь — дело не только напрасное, но и практически невозможное. М. Хасандуст пишет, что советовался со многими компетентными людьми, но не добился подходящего результата. Таким образом, при выборе слов из неиранских языков он действовал исходя из собственного вкуса. При этом в отношении оригинальных иранских слов он лишь указал на способ их словопроизводства.

Далее автор указывает, что транскрибирование персидских слов было одним из самых трудных и спорных этапов составления словаря. В конце концов он решил, что эта транскрипция должна соответствовать произношению слов в «фарси-йе дари» (т. е. в классическом персидском. — Д. Э., Е. М.). Поэтому, например, слова, звучащие в современном персидском как *berēstan*, *tīr*, *tīγ*, *xāhar*, *dūd*, *rūd*, *gonāh*, транскрибированы, соответственно, как *birīstan*, *tīr*, *tēγ*, *xvāhar*, *dūd*, *rōd* и *gunāh*, что показывает их произношение в «фарси-йе дари».

Вместе с тем транскрипция той группы слов, которые определенно (или предположительно) были образованы (или приобрели законченную форму) в более позднее время или

попали в персидский язык из чужого языка в современную эпоху, соответствует современному произношению (примерно по тому образцу, которому следовали все теперешние словари персидского языка). Поэтому слова типа *āxūndak*, *eskenās*, *bīme*, *pūke*, *sargord*, *šegerd*, а также *kez* транскрибированы соответственно их современному звучанию.

Автор упоминает, что при транскрибировании слов он учитывал системы записи из авторитетных персидских словарей, хотя в некоторых случаях принимал во внимание и записи европейских исследователей. Он указывает, что по большей части обращался к словарям «Джахангири» и «Бурхан-е кате», причем последним пользовался с осторожностью. Если описание слова в этих двух словарях не отвечало его цели, он обращался также к «Логатнаме-йе Деххода», «Фарханге Мо'ин», «Фарханге бозорге Сохан» и др.

Научные латинские названия животных и растений (и в некоторых случаях их английские эквиваленты) автор приводит после толкования слова, вошедшего в словарь. За иллюстративным материалом он обращался, в основном, к старым персидским текстам начиная с 4-го до 8-го века хиджры (X—XIV вв. н. э.). Чтобы найти примеры для тех слов, которые широко употребительны в персидском языке в современную эпоху, Хасандуст прочитал путевые заметки и мемуары некоторых деятелей эпохи Каджаров. Многие из использованных им персидских текстов имели словники с указанием страниц, что облегчало работу. Но в некоторых персидских текстах, а их было немало, словники отсутствовали или в них не было указания нужных страниц. Поэтому, для того чтобы найти исключительный или редкий пример, он был вынужден просматривать весь текст, от начала до конца и страницу за страницей. Исследователь напоминает, что после процитированного примера сначала в скобках идет название источника, а затем по порядку номер страницы, строки или бейта. При этом он подчеркивает, что сознательно всегда пользовался первоисточниками, просмотрел все персидские тексты, упомянутые в списке источников, и никогда не обращался к вторичным текстам типа персидских компьютерных собраний «Гандж-важе» (где информация почерпнута из словарей), «Пейкаре» (информация из книг) и любым другим. Несмотря на то, что непосредственное обращение к персидским текстам для поиска примеров заняло у М. Хасандуста «бессчетное количество времени», эти приятные, но в то же время изнурительные работы познакомили его с новой лексикой.

Автор рассказывает, как строится статья в его словаре: после персидского слова дается среднеперсидское, за ним древнеиранское и корень слова, а потом синонимы или однокоренные слова в санскрите. Затем указывается индоевропейский корень вместе с производными от него в других языках, выделившихся из индоевропейского: греческом, латинском, германских, армянском, литовском и др. После этого даются рефлексы древнеиранского корня в иранских языках и диалектах начиная с авестийского и древнеперсидского в древнюю эпоху до манихейского (турфанского) среднеперсидского, парфянского, согдийского, сакского, хорезмийского и балхского в среднеиранский период и пашто, осетинского, курдского, белуджского и многих других иранских языков и диалектов, восточных и западных, в новый период.

«По поводу некоторых корней и деривации некоторых слов, — пишет ученый, — я не достиг цели, а лишь указал на синонимы этих слов в одном или нескольких диалектах». Он отмечает также, что не упускал случая показать иранские слова, вошедшие в иранские языки, особенно в армянский и арабский.

Учитывая любознательность иранцев в поисках значения имен собственных, М. Хасандуст кое-где (и, добавляет он, абсолютно дилетантски) исследовал такие имена под тем предлогом, что они являются однокоренными со словами, вошедшими в словарь. Эти имена даются в конце статьи под звездочкой.

Далее он показывает дополнительные материалы, которыми пользовался. В их числе следующие: этимологические материалы (70 страниц) ныне покойного Санкт-Петербургского ираниста Л. Г. Герценберга; оказавшаяся очень полезной работа Мохаммадреза Алиаги-заде «Исследование глагольных корней в авестийском языке» (эта работа на степень магистра была защищена в Университете Тебриза, руководил ею проф. Бахман Саркарати,

также ныне покойный); все имевшиеся в его распоряжении этимологические словари индоевропейских и неиндоевропейских языков. Попутно Хасандуст отмечает принципиальные отличия в способе обращения к источникам материала у европейских этимологов и у него.

Он подчеркивает, что все материалы, внесенные в его словарь в течение 16 лет, он собрал один, без всяких помощников. То же относится к подготовке словника и к верстке. Написание карточек на каждое отдельное слово заняло 11 месяцев, их верстка — 8 месяцев. Т. е. вся техническая работа лежала на его плечах.

В конце «Введения» автор высказывает глубокую скорбь в связи с утратой своего учителя (по древнеиранским языкам) и руководителя Бахмана Саркарати, который вдохновил его на составление этимологического словаря, но не дожил до того, чтобы увидеть плоды своих усилий. Также М. Хасандуст выражает благодарность своим преподавателям и всем друзьям, которые тем или иным образом помогли ему.

Возвращаемся к содержанию и композиции этимологического словаря.

Важно, что «верхним» уровнем в Словаре является не современный персидский язык, а язык классической эпохи. Это существенно не только с точки зрения широты охвата исконно иранской лексики (которая к современному хронологическому уровню по языкам частично утрачена), но и с точки зрения исторической фонетики и фонологии: в ранний классический период сохранялись отдельные фонемы, в частности, изображаемые буквами «йай» и «вав», так называемые «маджгульные» долгие гласные, соответственно *ē* и *ō*, продолжавшие древнеиранские дифтонги **ai* и **au*, что важно для этимологии слов и форм. Впоследствии в современном персидском языке (в отличие от таджикского) эти гласные были вытеснены другими, восходящими к древним долгим монофтонгам.

Транскрипция индоевропейского материала дается автором в основном по [IEW], что с точки зрения исторической фонетики иранских языков наиболее реалистично, поскольку отражает позднеиндоевропейскую фонетическую и отчасти фонологическую систему («накануне распада»).

Следует подчеркнуть, что исторические соответствия и изменения и гласных, и согласных разработаны в Приложении 1 с учетом позиции той или иной фонемы (или звука) в слове. Отдельно выделяются фонемы, вошедшие с заимствованными словами (например, фонема *l* в словах из санскрита или греческого, рассмотренная в параграфе 32, с. 109). Заключает этот раздел указатель происхождения фонем (и их сочетаний) классического языка из разных древних прототипов, с отсылкой к соответствующим параграфам (с. 131—164).

Приложение 2 содержит таблицы звукосоответствий (с. 165—175) и указатели фонетических переходов от индоевропейского состояния к разным конкретным языкам, снабженные лексическими примерами (с. 177—194) с библиографией (с. 195).

Пятый том представляет собой индексы ко всем рассмотренным в Словаре лексемам, тоже с указанием номера каждой словарной статьи (это избавляет от указания номеров тома и страницы). С левой стороны этого тома (т. е. с начала, по европейской традиции) приводятся индексы слов и словоформ в латинской транскрипции, принятой в научной литературе, в порядке латинского алфавита (кроме тех языков, для которых принят «санскритский» порядок). Сюда входят реконструированные единицы индоевропейского праязыка, слова индоарийских языков, нуристанских, дардских; армянского, греческого, итальянских, кельтских, германских, балтийских, славянских и др. (с разбивкой на генетические группы, подгруппы и отдельные языки) и неиндоевропейских языков. Материал «малых» иранских языков и диалектов, приводимый в Словаре в транскрипции на основе латинской графики, выделен в индексах в отдельные разделы там же, в левой части тома. Материал современного персидского языка, как и арабская лексика, дается в правой стороне тома в арабской графике, в порядке персидского алфавита.

В основном этимологическом корпусе Словаря каждая словарная статья, посвященная определенному слову классического персидского лексикона, имеет свой порядковый номер. Нумерация сплошная по всему словарю (от слова № 1 в первом томе на с. 1 до слова

№ 5514 в четвертом томе, на с. 2954—2955). Отсылки от одной словарной статьи к другой обозначаются в виде отсылки к номеру словарной статьи, без указания номеров тома и страницы: они были бы уже избыточными.

После номера каждой словарной статьи (частично вынесенного на поля) следует традиционное написание слова в арабской графике, затем в скобках дана его транскрипция латинским шрифтом, принятая для классического персидского языка в международной иранистической практике. Далее приводится перевод на современный персидский язык или толкование семантики слова, снабженное цитатой из сочинений авторов классического периода и со ссылками на средневековые и более поздние традиционные толковые словари. После такой паспортизации слова дается его происхождение — прежде всего — из среднеперсидского, далее — из древнеперсидского (если оно зафиксировано памятниками) или из древнеиранского реконструированного прототипа (с параллелями из санскрита, со ссылками на [KEWA], [EWA]), далее из индоевропейского ([IEW] с параллелями из других индоевропейских языков и с указанием источника этимологии). См., например, детально разработанную статью *dēv* ‘сатана, дьявол, злой дух, черт, Ариман — у зороастрийцев’ (№ 2502, т. 2, с. 1402—1404).

Затем приводится сравнительный иранский материал — этимологически родственные слова в других иранских языках (живых, включая «малые» языки и диалекты, и в вымерших) с указанием научных источников. В некоторых случаях дается отсылка к этимологически родственному слову классического персидского языка в виде его номера в данном словаре. Например, в № 994 *bin-* — ‘основа настоящего времени глагола *видеть*’ (т. 1, с. 577—578) даются отсылки к №№ 995, 996.

Весь лексический материал дается с указанием источников: материал классического персидского языка — с цитатами из классической персидской литературы, со ссылками на средневековые толковые словари; приводимые в качестве параллелей слова других иранских языков и языков других семей — с указанием опубликованных источников или (реже) сообщений других исследователей (о чем см. ниже).

При рассмотрении заимствований в классический персидский язык из других иранских языков не только указывается источник заимствования, но и приводится подробная аргументация историко-фонетического характера. Так, в № 552, т. 1, с. 326—327 засвидетельствованы глаголы *ōžadan*, *awžadan* ‘убивать’ и *ōzadan* ‘бить, убивать’. Дана ссылка на парфянский *ōžan-*: *ōžadan* из древнеиранского **ava-jan-* : **ava-jata-* от корня **gan-* ‘бить, убивать’; среднеперсидский *ōzan-* : *ōzadan*. Далее специально оговаривается: «*ōžadan* в связи с наличием фонемы *ž*... — из северо-западных иранских (языков), а *ōzadan* в связи с наличием фонемы *z*... — из юго-западных; см. также *zadan*...».

Для заимствований из неиранских языков указывается их источник в виде названия языка или (при невозможности его точно определить) названия языковой группы.

Таким образом, композиция словаря и способы подачи материала, о которых писал М. Хасандуст во Введении, действительно тщательно продуманы и очень скрупулезно соблюдены. Нумерация словарных статей позволяет не только дать «точный адрес» того или иного слова, но и избежать лишних цифр в индексе (и, следовательно, возможных ошибок и опечаток). В этом большой плюс работы. Но в этом и возможный минус для будущего: данный словарь представляет собой закрытую систему. И если в дальнейшем автор сочтет нужным дополнить словник новыми словами (а язык классической эпохи очень богат) или снять какую-либо статью, то ему придется как-то усложнить эту нумерацию (пометами «а», «б» и т. д.) или делать полностью новую.

В максимальном варианте статья, рассматривающая исконное слово выглядит следующим образом.

Например, кл.-перс. *dux̌t* ‘девушка, девочка; девственница; дочь’ (№ 2259, т. 2, с. 1269—1271) с толкованием семантики и цитатами из литературы классического периода. Затем — происхождение слова из ср.-перс. *dux̌t*, далее — из др.-иран. формы ном. ед. ч. **dux̌ta* от основы **dux̌tar-*. Затем следует сравнение с этимологически родственными словами

в санскрите, древнегреческом, армянском, литовском, готском и др. После этого приводятся этимологически родственные слова других иранских языков — вымерших и живых. Заключает эту статью индоевропейский прототип — корень **dheugh-* ‘ощупывать; гладить, сжимать; доить’ (т. е. др.-иран. **duxtār-* ‘доярка; та, что доит молоко’), с обсуждением вероятности другого варианта семантической трактовки индоевропейского прототипа. В этой же статье даются и производные слова: *duxandar* ‘падчерица’, диалектное поэтическое *dut* или *dot* (вспомним сказочное *Turan-dot* ‘дочь (страны) Турана’, известное по пьесе К. Гоцци).

В качестве отдельной статьи выделено слово *duxtar* ‘девственница, девушка’ (№ 2260, т. 2, с. 1271) с соответствующими цитатами, возводимое к ср.-перс. *duxtar*, которое автор, вслед за Х. Нюбергом [Nyberg 1974: 69], трактует как косвенный падеж от того же слова; там же делаются отсылки к статьям *dux* (№ 2259) и *duyd* (№ 2368, т. 2, с. 1330) ‘невеста’. Последнее слово вполне справедливо рассматривается как заимствование в классический персидский из одного из восточноиранских языков на основании отражения срединного консонантного комплекса в виде *-yd-*, характерного для этой языковой группы, с привлечением параллелей из восточноиранских языков: йидга, сангличи и ваханского.

И особой статьей дается *dōy* ‘напиток, получаемый от смешения воды с кислым молоком’ (№ 2452, т. 2, с. 1374). Лексема возводится к иран. **dauga-* от **daug-* ‘доить’. Одновременно дается ссылка на глагол кл.-перс. *dōxtan*, *dōš-* ‘доить’ (№ 2430, т. 2, с. 1360—1363).

В части статей, посвященных исконным иранским словам, этимологическое сравнение сопровождается смысловыми параллелями. Например, кл.-перс. *pilk*, *palk*, *palak* ‘веко’, возводимое, вслед за Х. Бейли, к др.-иран. **pat(a)ka-* ‘одежда, покрывало’ от корня **pat-* ‘одевать, окутывать’ [DKS: 197], сравнивается не только с этимологическими родственными названиями ‘веко, веки; ресницы’ (со ссылками на источники информации о каждом слове), но и дается информация о семантических параллелях в виде словообразования названий ‘веко’ из основ и слов со значением ‘покрышка, крышка; покрывало’ и т. п. в немецком, русском, литовском, турецком, арабском языках (№ 1227, т. 2, с. 715—716).

В отдельных статьях рассматриваются более удаленные параллели или связи. В этом отношении характерна статья *gāv* ‘корова’ (№ 4315, т. 4, с. 2336—2338). С одной стороны, история слова здесь прослеживается через среднеперсидское *gāv*, древнеиранскую реконструируемую форму аккумулятива ед. ч. **gāvam* (при сравнении с родственными словами в санскрите) — вплоть до индоевропейского состояния (с параллелями из других индоевропейских языков). Кроме того, здесь приводятся сведения и о возможной связи со сходными словами в шумерском и китайском языках. Далее, как обычно, перечисляются родственные слова в разных иранских языках: в вымерших (авестийском, согдийском, здесь же приводится и древнеперсидская основа, зафиксированная только в композитах) и живых, включая «малые» языки на территории Ирана. В эту статью входят и производные слова, например (фонетическая?) форма *gāf* в переводе Корана (с. 2336), сложное слово *gāleš* ‘коровий пастух, коровий погонщик’ в диалекте табари (при сравнении с гилянским *gālāš* и возможной этимологии в виде **gāu-raxša-*, с. 2338). С другой стороны, здесь же приводятся и семантические параллели к сочетанию в единых лексемах понятий ‘скот’ и ‘имущество, богатство’, уже не связанные напрямую с этимологией: осет. *fos* | *fons* 1) ‘скот’; 2) ‘имущество, добыча’ (со ссылкой на [ИЭСОЯ, I: 478—479]) и этимологическая связь слов со значениями ‘овца’ и ‘обретение богатства’ в арабском (с. 2338). К этому можно было бы добавить древнеиранский композит **gau-papa-* ‘оберегающий / содержащий скот; коровий пастух, волопас’, из которого развилось не только кл.-перс. *gawbān*, *gōbān* со значениями ‘коровий пастух, волопас’ (№ 4519, т. 4, с. 2251) и родственные слова в других иранских языках и диалектах с теми же значениями, но и скиф. **gupan(a)-*, подразумевающее ‘хозяин скота, владелец имущества’, заимствованное ок. V в. до н. э. в слав. **gъpanъ*, которое отразилось впоследствии в ст.-чеш. *hpan*, польск. *pan* ‘пан, господин, помещик’, см. [ЭССЯ, 7: 197—198] (см. подробнее [ЭСИЯ, 3: 210]).

Семантические параллели приводятся и в статьях, посвященных глаголам. Например, в статье о глаголе кл.-перс. *bāfian* ‘пряхь, сучить, вязать’ (№ 648, т. 1, с. 382—384), основа

настоящего времени которого продолжает ср.-перс. **vāf*- и далее и.-е. **uebh*-, рассматриваются также названия паука, производные от данного корня, включая др.-исл. *kongur-vāfa* и др.-англ. *gangel-wāfre*. И в этой же статье приводятся семантические аналоги, не связанные с данным корнем этимологически, например: англ. *spider* ‘паук’, связанное с глаголом (to) *spin* ‘пряхть’.

Удачной представляется этимология кл.-перс. *kāsa-pušt* ‘черепаха’, где, как пишет автор (№ 3808, т. 4, с. 2097—2098), только на первый взгляд начальный компонент может быть из основы *kāsa* ‘чаша’ (при несомненном *pušt* ‘спина’), на деле это продолжение древнеиранской основы **kasya(pa)*- ‘черепаха’ (очевидно, позднее переосмысленного). Ср. кл.-перс. *kašaf* (№ 4016, т. 4, с. 2198—2199), продолжающее др.-иран. **kasyapa*- через этап ср.-перс. **kašav* (с закономерным отражением *-sy- > š).

При подаче заимствований из неиранских языков автор тщательно изучает источники и языки-посредники появления слова в персидском языке. Например, кл.-перс. *baqlava* ‘род сладости, сделанной из миндаля, сахара, молотого кардамона, белой муки, молока и масла’ — слово из тюркского источника приведено в сравнении со сходными словами, в основном в балканских и арабском языках (№ 651, т. 1, с. 384—385). Кл.-перс. *kurūr* числительное ‘пятьсот тысяч’, заимствованное из индийского источника, дано с параллелями из индоарийских языков и из вымерших и живых иранских (№ 3971, т. 4, с. 2175—2176).

Слова для обозначения *слона* даются в двух статьях, в разных фонетических вариантах. Так, кл.-перс. *fil* (№ 3694, т. 3, с. 2046) с указанием идентичного арабского этимона *fil* (среднеперсидского или арамейского или древнееврейского заимствования) и со ссылкой на статью кл.-перс. *pīl* (№ 1339, т. 2, с. 785—786) с цепочкой следования (и фонетических изменений) из хамитского через египетский — в др.-перс. *piru*- ‘слоновая кость’. В этих статьях М. Хасандуст использует многочисленные научные источники, в том числе словарь М. Фасмера, в которых указана трансформация *слона* в *верблюда* (др.-русс. *вельблудъ*, *вельбудъ*, укр. *вельблюд*), см. [Фасмер, I: 293].

Кл.-перс. *šatrang* ‘шахматы’ (№ 1786, т. 2, с. 1001—1002) продолжает ср.-перс. *šatrang*, которое заимствовано из хинди, при этом приводится санскритское *catur-aṅga*-, букв. ‘имеющий четыре фигуры (пешую, конную, на колеснице, на слоне)’. Арабский фонетический вариант *šatranj* — иранское заимствование (а оно — из хинди). Добавим, что в современном персидском употребителен именно этот вариант.

Кл.-перс. *dēhīm*, *dīhīm* ‘диадема’ (№ 2514, т. 2, с. 1410) — с *-h*- из *-δ*- парфянского *dydym* [dēdēm : dīdēm], заимствованного из греческого *διάδημα*, которое, в конечном счете, возводится к индоевропейскому **dē*- ‘завязывать’.

Естественно, что в таком гигантском труде при объемном и разностороннем (этимологическом, семантическом) рассмотрении практически каждого слова классического персидского языка, в сравнении с другими языками, не все разработки равнозначны. Некоторые этимологии представляются дискуссионными.

Не всегда ясны принципы приведения параллелей из неиранских языков. Например, в качестве параллели к кл.-перс. *jīb*, *jaīb* ‘карман’ (№ 1738, т. 2, с. 982), по-видимому, справедливо приводится русск. областное *зепі* с тем же значением — со ссылкой на немецкое трехтомное издание М. Фасмера (1953—1958). В русском четырехтомном издании этого словаря в переводе О. Н. Трубачева эти областные слова даются как *зепь* (*zer*’) [Фасмер, II: 95]. У М. Хасандуста справедливо указан путь заимствования этого слова в персидский: из арабского через посредство тюркского просторечия. Вариант кл.-перс. *jaīb*, возможно, обусловлен фонетикой арабских диалектов; см. [Молчанова 1987: 117].

Однако отмечаются случаи, когда приведенное сравнение не связано с этимологией и семантикой слова, например, в качестве параллели к слову *but* Будда (№ 693, т. 1, с. 408—409) приведено: «русс. *but* “Будда” (Doerfer TMEN II/261 Nr.716)»¹. Такое заимствование

¹ [TMEN, II: 261]

и в такой форме не является распространенным. Оно не отражено в этимологическом словаре Фасмера [Фасмер, I: 252], где русск. *but* представлено со значением ‘мелкий камень, щебень, идущий на строительство шоссеиных дорог и заполнение стен’, *butit* ‘наполнять яму цементным раствором и щебнем’.

В подробной и содержательной статье (с очень интересными текстовыми иллюстрациями), посвященной мяте (*pūdīna* — № 1272, т. 2, с. 839—840), эта лексема возводится к среднеперсидской **bōdēnag* ‘ароматная трава’, древнеиранской **baudyanakā-* от корня **baud-* ‘нюхать’ или к ср.-перс. **pūtīnak* и, в конечном счете, к санскритскому *pūtīka-* ‘название травы’ — всё с соответствующими ссылками. Сообщается, что мята относится к семейству *na'nā* (именно это арабское наименование употребляется для мяты в современном персидском языке). По поводу названий мяты, возможно, стоит подчеркнуть, что подобные культурные термины, как правило, заимствуются. В этой же статье приведен материал множества иранских языков, живых и вымерших, а также хинди, сирийского, арабского, турецкого. Приведено также русское слово *полюнь* (*polyni*) со ссылкой на Г. Моргенштерне; там же указан немецкий словарь Фасмера, однако со свойственной М. Хасандусту щепетильностью сообщается, что у Фасмера иное мнение. Добавим, что в [Фасмер, III: 320] связи этого русского слова исключительно славянские.

К дискуссионным можно отнести трактовку этимологии классического персидского слова *axtar* ‘небесное тело, звезда, светило; счастье, счастливая звезда’, восходящего к среднеперсидскому *axtar* ‘звезда, (неподвижная) звезда, созвездие; знак зодиака’ (№ 269, т. 1, с. 158, как это было сделано и в предыдущем издании первого тома, см. [Hassandoust 1383/2004: 73—74]). Хасандуст рассматривает данное среднеперсидское слово как результат «обратного словопроизводства» (back-formation, перс. *ešteqāq-e ma'kus*) из ср.-перс. *apāxtar* ‘север; запад; планета’, которое, по его мнению, было переосмыслено как *nē-axtar* ‘кроме звезды; не-звезда’. При этом среднеперсидское *apāxtar* он возводит однозначно к древнеиранскому **apāxtara-* ‘находящийся подальше, сзади; подальше к той стороне’, производному от **apa(n)k-* ‘идущий назад’ и соответствующему авестийскому *apāxtara-* ‘находящийся подальше сзади; подальше к той стороне; северный’. Рефлекс последнего мы находим в кл.-перс. *bāxtar* ‘север’, в некоторых сочинениях также ‘запад’ и ‘восток’ (№ 597, т. 1, с. 349—350). Вместе с тем происхождение кл.-перс. *axtar*, обозначающего прежде всего ‘звезду’, из ср.-перс. *apāxtar* ‘север; запад; планета’ вызывает сомнения с точки зрения как семантики такого перехода, так и относительно позднего времени образования слова *axtar* ‘звезда’ в условиях уже хорошо разработанной астрономической системы и соответствующей терминологии.

Более реалистичной представляется точка зрения, согласно которой в среднеперсидском языке существовали два слова-омонима. Первое ср.-перс. I. *apāxtar* ‘север(-ный); запад(-ный)’ действительно восходит к др.-иран. **apāxtara-* ‘(подальше) назад; (подальше) к той стороне’ — производному с суффиксом сравнительной степени **-tara* от **apa(n)k-* (ср. авест. *apāxtara-* прил. 1) ‘расположенный (далее) позади, сзади’; 2) ‘северный’ от *apānk-* : *apak-* прил. ‘находящийся позади; обращенный назад’). При этом **apa(n)k-*, в свою очередь, является производным от праиранского наречия **apa-* в значении ‘позади, назад’, что объясняется направлением перемещения древнеиранских племен с севера на юг, когда север оставался позади, что и отразилось в Авесте, см. [AiW: 82]. Развитие значений ср.-перс. *apāxtar* ‘север(-ный)’ и далее кл.-перс. ‘запад(-ный)’ и даже ‘восточ(-ный)’, что зафиксировано в средневековых памятниках, могло быть связано со вторичными перемещениями иранских племен (ср. совр. перс. *bāxtar* 1) ‘запад’; 2) устар. ‘восток’; 3) истор. ‘Бактрия’). Второй омоним ср.-перс. II. *apāxtar* ‘планета’ восходит к др.-иран. **upa-axtar-* ‘(то, что) при звездах, при созвездиях’, см. [AiW: 80, примеч. 2]. При такой трактовке понятие и слово ‘планета’ вторично по отношению к понятию и слову ‘звезда’, и среднеперсидское *axtar* ‘звезда; созвездия, знак зодиака’ восходит к более древнему периоду. Вполне убедительно предложенное М. Н. Боголюбовым еще в 1987 г. (перепечатано в 2012 г.) возведение ср.-перс. *axtar* к индоевропейскому варианту **nok^hter-* ‘ночь, ночной’ с нулевой огласовкой,

то есть **ṇk^hter-*, существовавшему наряду с «полным» вариантом [Боголюбов 2012: 353] (ср. др.-инд. *akti-* из и.-е. **ṇk^htu-* с нулевой огласовкой, см. [EWA, I: 40]). В таком случае среднеперсидское *axtar* — рефлекс индоевропейского **ṇk^hter-* ‘ночь, ночной’, прошедшего через этапы праарийского и праиранского **aktar-* ‘ночное светило’, подробнее см. [Эдельман 2015; ЭСИЯ 5: 448—449].

Не вполне ясным представляется отношение автора к происхождению кл.-перс. *kanab* в значении ‘растение, из которого вяют веревки и делают бумагу’ и *kanaf* ‘крепкая веревка’ (№ 4139, т. 4, с. 2255—2256). Если следовать за предположением, что здесь мы имеем дело с рефлексом основы **kana-* (с суффиксом *-ba/-fa-*, реже *-pa-*), продолжающей корень **(s)kan-* от и.-е. **(s)ken-* ‘быть искривленным, скрученным и т. п.’, то связь с этими словами названий лат. *cannabis*, греч. *kánnabīs*, русск. *конопля* и пр. остается неясной. Известно, что в названиях некоторых растений, используемых и как наркотические, и как источники растительного волокна, во многих языках обычны заимствования, часто с метатезами и другими фонетическими «мутациями», вызываемыми табуизацией. Об иранских названиях такого рода см. [Стеблин-Каменский 1982: 61—64]. Возможно, и здесь мы имеем дело с таким «бродячим» культурным термином.

Фонетические формы таджикских слов в тексте Словаря не всегда переданы достаточно точно. Отмечены случаи передачи таджикского *o* в виде *ā*, например, в словах *kāvāk* вместо *kovok* ‘пустой, полый’ (№ 3852), *pāda* вместо *pada* ‘стадо (обычно о коровах)’ и *pādabān* вместо *podabon* ‘пастух’ (№ 1016), *daryā* вместо *daryo* ‘(большая) река, море’ (№ 2330), *kadbānu*, *kayvānu*, вместо *kadbonu* ‘хозяйка дома’ (№ 3906), *konjāla*, *konjāra* вместо *kunjora* ‘жмых, выжимки’ (№ 4143), *šodgār*, вместо *šudgor* ‘пашня, распаханное поле’ (№ 3316). Поскольку автор, к счастью, практически всегда дает ссылки на источники информации, оказалось, что во всех этих случаях имеются ссылки на сообщение Мас‘уда Касеми. По-видимому, они были записаны М. Касеми с «алифом», обозначающим кл.-перс. *ā*, на месте таджикского *o*, что соответствует более раннему состоянию таджикского языка, но не современному. При этом таджикские слова, взятые из письменных источников, в частности из работ В. И. Абаева, переданы точно, например, тадж. *dada*, *dodo* ‘папа, отец’ (№ 2265), *tamoku* ‘табак’ (№ 1548), *tarozi* ‘весы’ (№ 1450), *xondan* ‘читать’ (№ 2141) и др.

В некоторых случаях приводится избыточная информация.

Например, для словаря, задача которого — этимологический анализ лексики классического персидского языка, статья, посвященная слову *komod* ‘комод’ (№ 4128, т. 4, с. 2250), заимствованному относительно недавно из французского языка (как и в немецком и русском), едва ли необходима.

Неудачно употребление термина «Kafir Languages» (*zabānhā-ye kafiri*, кафирские языки) в Индексе (т. 5, с. III). Эта группа языков традиционно называлась так по их бытованию в горной стране, называвшейся прежде Кафиристан, «Страна не-мусульман» (северо-восток Афганистана). После 1896 г. с принятием жителями этой страны ислама эта местность стала называться Нуристан, «Страна света» (имеется в виду ‘свет ислама’). Поскольку старые термины воспринимаются носителями этих языков как пейоративные, сейчас принят термин «нуристанские языки».

В целом же пятитомный Этимологический словарь персидского языка — фундаментальный труд, выполненный на современном уровне исследованности истории иранских языков и с учетом достижений индоевропеистики. С выходом его в свет все дальнейшие работы, связанные с историей и этимологией иранских языков должны будут учитывать результаты этого ценнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Боголюбов 2012 — Боголюбов М. Н. Труды по иранскому языкознанию: избранное / Сост., отв. ред. Чунакова О. М. М.: Восточная литература, 2012. [Bogolyubov M. N. *Trudy po iranskomu*

- yazykoznaniiyu: izbrannoe* [Studies in Iranian linguistics: Selected writings]. Chumakova O. M. (comp., ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012.]
- ИЭСОЯ, I — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. [Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-etymological Osetic dictionary]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958.]
- Молчанова 1987 — Молчанова Е. К. Кумзари-арабские языковые контакты // Шарбатов Г. Ш. (отв. ред.). Ирано-афразийские языковые контакты. М.: Наука, 1987. С. 109—124. [Molchanova E. K. Kumzari-Arabic language contacts. *Irano-afraziiskie yazykovye kontakty*. Sharbatov G. Sh. (ed.). Moscow: Nauka, 1987. Pp. 109—124.]
- Стеблин-Каменский 1982 — Стеблин-Каменский И. М. Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений. М.: Наука, 1982. [Steblyn-Kamenskii I. M. *Ocherki po istorii leksiki pamirskikh yazykov: nazvaniya kul'turnykh rastenii* [Essays on the history of lexicon of Pamir languages: Names of cultivated plants]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Фасмер, I—IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1986—1987. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and addendum by Trubachev O. N. Vol. I—IV. Moscow: Progress, 1986—1987.]
- Эдельман 2015 — Эдельман Д. И. К истории среднеперсидского *axtar* 'звезда, созвездие, знак зодиака' // Пелевин М. С. (отв. ред.). «На пастбище Мысли Благой»: сборник статей к юбилею И. М. Стеблин-Каменского. СПб.: Контраст, 2015. С. 101—108. [Edel'man D. (J.) I. On the history of the Pahlavi *axtar* 'star, constellation, zodiac sign'. «*Na pastbishche Mysli Blagoi*»: *sbornik statei k yubileyu I. M. Steblin-Kamenskogo*. Pelevin M. S. (ed.). St. Petersburg: Kontrast, 2015. Pp. 101—108.]
- ЭСИЯ, 3 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М.: Восточная литература, 2007. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007.]
- ЭСИЯ, 5 — Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 5. М.: Наука; Восточная литература, 2015. [Edel'man D. (J.) I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 5. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 2015.]
- ЭССЯ, 7 — Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. Вып. 7. Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. [Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexicon]. No. 7. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- AiW — Bartholomae C. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner, 1904 (repr. Berlin: Mouton de Gruyter, 1979).
- Buck 1949/1988 — Buck C. D. *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1949 (repr. 1988).
- DKS — Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.
- EWA — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I—III. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1992—2001.
- Hassandoust 1383/2004—2005 — Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e farsi* [An etymological dictionary of the Persian language]. Jeld-e 1. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1383/2004—2005.
- Hassandoust 1389/2011 — Hassandoust M. *Farhang-e tatbiqi-mowzui-ye zabānhā va guyešhā-ye irāni-ye now* [A comparative-thematic dictionary of the New Iranian languages and dialects]. Jeld-e 1—2. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1389/2011.
- Horn 1898—1901 — Horn P. Neupersische Schriftsprache. *Grundriss der iranischen Philologie*. Geiger W., Kuhn E. (Hrsg.). Bd. I. Abt. 2. Strassburg: Verlag von K. J. Truebner, 1898—1901. S. 1—200.
- Hübschmann 1895 — Hübschmann H. *Persische Studien*. Strassburg: Verlag von K. J. Truebner, 1895.
- IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke Verlag, 1959.
- KEWA — Mayrhofer M. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. I—IV. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1956—1980.
- Nyberg 1974 — Nyberg H. S. *A manual of Pahlavi. Part II: Glossary*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974.
- TMEN — Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. I—IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963—1975.